

Базелиц в луже

Независимая газ. - 2002, - 20 июня - с. 8.

Выставка Владимира Брайнина в Новом Манеже

Иван Езерский

В Брайнине все прекрасно. Звонкая фамилия, элегантный дворянский облик, незапятнанная репутация, а главное, конечно, живопись. Она мало меняется с годами, узнается на раз, присутствует на всех выставках: короче, Брайнин стал неотъемлемой частью интеллигентского ландшафта Москвы.

Вот уже 20 лет он щиплет наши души образами старой, уходящей Москвы. Не рвет (для этого он слишком утончен и воспитан), а именно что пощипывает. Это не рык Высоцкого, не кичуха романа, это печальное дребезжанье казespшной гитары. Да, старик, уходит наш город. Улицы стали витринами, площади – автостоянками, переулки – квадратными метрами... Это чертовски грустно, но что делать: деньги решают все. Но вот заходит солнце, и если изловчиться, приесть, привлечь, то кое-где еще можно увидеть фрагментик того города. А если еще и дождик

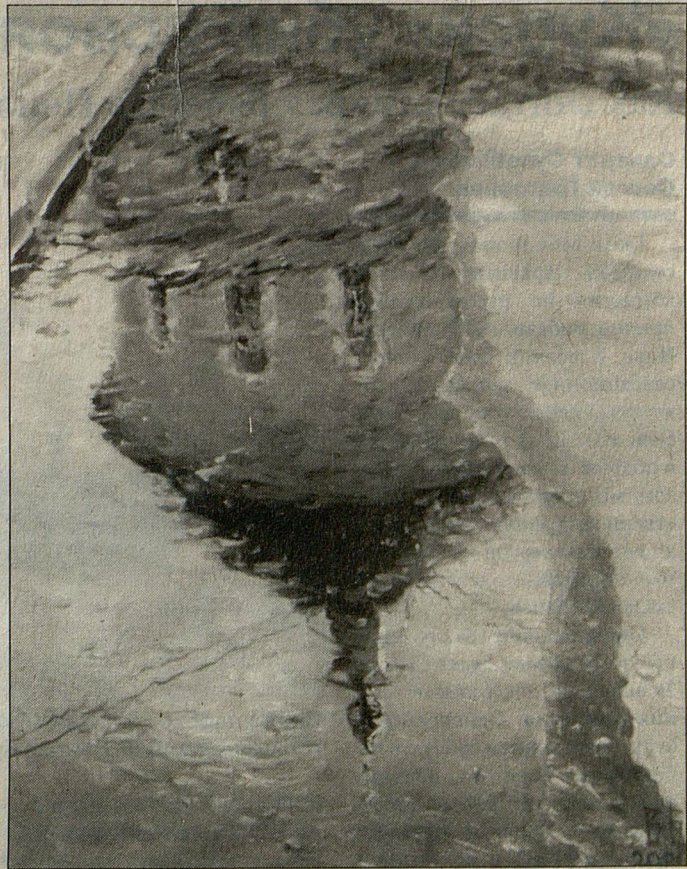
покапает, то совсем красота будет.

Москва Брайнина неизменно мокрая. Чем-то похожая на увядающие цветочки, которые продавщицы старательно сбрызгивают пульверизатором. С годами эта мокрота приобрела респектабельное поблескивание, залакировалась, стала фирменным знаком. Естественным развитием темы стали лужи. Город в лужах вверх ногами, и когда таких картин целый ряд – Брайнин превращается в Базелица. Но если картину Базелица перевернуть, то ничего не изменится. Переворачивая же Брайнина (купите каталог), мы обнаруживаем совершенно феерическое зрелище эдакой Венеции, захлестываемой штормом, но при этом залитой солнцем.

Или вот «Лужа IX». Такую сочную грязь мы видели, кажется, только у Сурикова в «Утре стрелецкой казни». Суриков еще ей страшно гордился, рассказывая, как ходил по рынкам да по помойкам, выслеживая са-

мую жирную, самую смачную. Но если у Сурикова грязь символизировала истоки национальной трагедии (неаккуратен русский человек, широк, расхристан – что в быту, что в бытии), то у Брайнина это просто умение приспособливаться. Ты, оглядываясь, видишь лишь руины? Но эти руины так романтичны, так элегичны и навевают так много мыслей о бренности сущего...

Нет границ увяданью. Но есть иные границы, например – решетки. Брайнин никогда не пустится в радикальные эксперименты, но подпустить толику модного – умеет. Так возникает серийность. Решеток, как и луж, на выставке много: они на удивление аляповаты, и почти все – из модерна. От модерна давно тошнит, но и тут художник умудряется найти повод для высказывания. Слово бы соревноваться с фотографом Игорем Пальминым, Брайнин пишет балкон особняка Рябушинского – но в контражуре. Рисует залитые солнцем львиные маски: плач-

Москва, как много в этой луже!.. (Владимир Брайнин. «Лужа VIII»).

те, фотографы, у вас все залипнет и сольется.

Постепенно все картины начинают казаться то спором с фотографией, то иронией над нею. Знаю я, знаю, что компози-

цию надо организовывать диагональю: получите тротуар из угла в угол! Дуэль с фотографией – последний плацдарм традиционной живописи. Пози дуэлянта Брайнину очень идет. ■